УДК 94

Владимир ПЕЧАТНОВ

А.А. ГРОМЫКО – ПОСОЛ, АМЕРИКАНИСТ, ЛИЧНОСТЬ

(По новым документам Архива внешней политики МИД РФ)

Аннотация. В статье на основе новых документов из Архива внешней политики МИД России рассмотрена деятельность посла СССР в США А.А. Громыко в качестве аналитика американской внутривластной обстановки на заключительном этапе Второй мировой войны (1944–1945 гг.). Основное внимание уделено его оценкам и прогнозам развития президентской избирательной кампании 1944 г., имевшей важное значение для советско-американского сотрудничества, поскольку речь шла о переизбрании Ф. Рузвельта – испытанного партнёра СССР и Великобритании в рамках антигитлеровской коалиции. На конкретных примерах анализа дипломатической переписки между Москвой и Вашингтоном показано, что Громыко располагал доверенными источниками информации в ближайшем окружении президента, прекрасно ориентировался в политической обстановке США и оказался в состоянии давать точные оценки сложной предвыборной ситуации несмотря на подчас противоречивые указания из Москвы. Рассмотрен анализ Громыко политической обстановки в США после смерти Рузвельта: его оценка настроений американской общественности и политических кругов, личности нового президента Г. Трумэна, возможных направлений его внутренней и внешней политики. Посол верно предвидел сочетание преемственности в политике США с постепенным ужесточением отношения к СССР и сдвигом вправо во внутренней политике. В заключении раскрываются неизвестные до этого времени подробности, связанные с назначением Громыко главой делегации Советского Союза на учредительной конференции ООН в Сан-Франциско в марте 1945 г. и его размовкой с наркомом В.М. Молотовым, в которой молодой посол проявил себя самостоятельным и смелым дипломатом.

Ключевые слова: Андрей Громыко, Франклин Рузвельт, выборы 1944 года, советско-американские отношения, Вторая мировая война, Томас Дьюи.

© **Печатнов Владимир Олегович** – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и политики стран Европы и Америки МГИМО МИД РФ. **Адрес:** 119454, Россия, Москва, Проспект Вернадского д. 76. **E-mail:** vopechatnov@gmail.com

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope42019151163>

Многогранная дипломатическая деятельность А.А. Громыко, охватывающая около полувека существования советского государства, ещё не стала предметом пристального научного изучения. Огромные пласты связанных с ней документов (особенно по 1960–1980-м годам) ещё не доступны исследователям. Но серьёзные лакуны имеются и в отношении более раннего периода. Это касается и деятельности Андрея Андреевича в качестве советника, затем советника-посланника и посла СССР в США (1939–1946 гг.). Американистика была главным профессиональным занятием Андрея Андреевича на протяжении всей его жизни – как в силу центрального значения советско-американских отношений для нашей дипломатии, так и по причине личного интереса, заложенного в годы его работы в США. Именно тогда происходило становление молодого учёного-экономиста в качестве профессионального дипломата, оказавшегося в центре мировой политики судьбоносных военных лет. Данная статья посвящена малоизученной стороне работы А.А. Громыко как американиста – его анализу политической обстановки в США, содержащемуся в недавно открытых донесениях посла 1944 – начала 1945 г. из Архива внешней политики МИД России¹.

Это было особое время в истории советско-американских отношений. Коренной поворот в ходе войны и открытие второго фронта западными союзниками предрешили конечный итог глобального противостояния, но нужно было ещё добить гитлеровскую Германию и разгромить милитаристскую Японию, а также заложить основы послевоенного мира. Это требовало согласованных действий союзников по антигитлеровской коалиции и продолжения уже налаженного личного взаимодействия лидеров “Большой тройки”. Особая роль в ней принадлежала Ф. Рузвельту и И.В. Сталину, возглавлявшим главный тандем “Великого альянса”. Между тем, политическое будущее Рузвельта было неясным, поскольку в ноябре 1944 г. в США предстояли очередные президентские выборы. Сохранение Рузвельта в Белом доме было критически важным, ибо он был “скрепой” “Большой тройки” [Costigliola, 2012: 57] не только в силу ресурсного превосходства США, но и потому, что сумел наладить личные отношения со Сталиным и Черчиллем, часто конфликтовавшим друг с другом.

Однако переизбрание Рузвельта было отнюдь не гарантировано. После неудачных для правящих демократов промежуточных выборов 1942 г. оппозиционная Республиканская партия постепенно укрепляла свои позиции и была полна решимости дать демократам серьёзный бой. В ней были сильны противники реформ “нового курса” и правые изоляционисты, выступавшие против курса Рузвельта на сотрудничество с СССР и создание новой системы международной безопасности с участием США. От исхода выборов многое зависело многое как внутри страны, так и во внешнем мире. Переизбрание Рузвельта, писал А.А. Громыко в обстоятельном политическом письме “К вопросу о советско-американских отношениях” (датированном 14 июля 1944 г.), “представляло бы факт большого положительного политического значения не только с точки зрения будущего вообще внешней политики США и той степени, до

¹ Автор выражает благодарность директору ИДЦ Н.М. Бариновой и заместителю директора И.В. Фетисову за предоставленную возможность ознакомиться с этими документами.

которой США пойдут на сотрудничество с другими странами, но и для будущего советско-американских отношений”. Посол отмечал, что избрание нью-йоркского губернатора Т. Дьюи – главного претендента на выдвижение от республиканцев, приведёт к усилению влияния изоляционистских и антисоветских сил [Советско-американские отношения, 2004: 547]. Уязвимым местом Рузвельта в предвыборной кампании было его физическое состояние: после двенадцати лет правления под постоянным прессом кризиса и войны 62-летний президент быстро сдавал и выглядел измождённым. Политические противники распускали слухи о том, что Рузвельт смертельно болен и дни его сочтены.

Сам президент не спешил объявлять собственные предвыборные намерения и не мешал другим претендентам-демократам пробовать свои силы. Однако опросы общественного мнения показывали, что из всех возможных кандидатов-демократов только у Рузвельта есть реальные шансы победить Дьюи. На сей счёт советский посол располагал своими источниками информации. Зная, как в Москве интересуются этим вопросом, 17 февраля Громыко сообщил в Москву следующие сведения, полученные от левого конгрессмена В. Маркантонио, который накануне встречался с Рузвельтом и поинтересовался планами президента на четвёртый срок. “Рузвельт, – говорилось в депеше посла, – в ответ стал говорить о том, что он уже не молод, очень устал и хотел бы заняться своими личными делами, но обстановка такова, что она может нарушить его планы. Высказанное Рузвельтом *no* Маркантонио расценил как недвусмысленный намёк на то, что вопрос о выдвижении им своей кандидатуры на четвёртый срок является для президента уже предreshённым”¹. Действительно, для себя Рузвельт давно решил этот вопрос, но в своей обычной манере решил дождаться, пока его об этом как следует попросят.

Между тем, вице-президент Г. Уоллес на приёме в советском посольстве доверительно поделился с Громыко впечатлениями о своей недавней поездке по западным штатам. “Он сообщил, что сильно удручен теми настроениями, которые там нашёл, – телеграфировал в Москву посол, – Большинство населения этих штатов на стороне республиканцев. Влияние рузвельтовцев-демократов в этих штатах пало. Уоллес выразил мнение, что если бы выборы происходили в настоящее время, то демократы потерпели бы поражение и президентом был бы избран республиканец”. Тем не менее вице-президент высказал надежду на то, что по мере активизации предвыборной кампании демократов и успехов на фронтах военных действий политическая обстановка будет меняться в пользу демократов².

Ещё через несколько дней Уоллес пригласил Громыко, с которым у него сложились тёплые личные отношения, провести выходной в загородной резиденции Белого Дома, где дал более подробную оценку состояния предвыборной кампании. Уоллес предсказал выдвижение республиканцами Дьюи, пользующегося поддержкой большей части партийной верхушки и финансово-промышленных кругов. Географически за демократами пойдут южные и восточные штаты, а штаты Новой Англии и Запада страны (за исключением Калифорнии и Вашингтона), скорее всего, останутся за республиканцами. Прогноз Уоллеса

¹ Из Вашингтона Молотову, 17.2.1944 г. // Архив внешней политики МИД России (далее – АВП). Ф.059. Оп.12. П.33. Д.206. Л.98.

² Из Вашингтона Молотову, 24.02.1944 г. // АВП. Ф.059.Оп.12. П.33. Д.206. Л.151– 152.

оказался точен, и Громыко подробно доложил о нем в Москву¹, где внимательно следили за ходом избирательной кампании (все депеши Громыко на эту тему неизменно расписывались высшему советскому руководству, начиная со Сталина).

Тем временем избирательная кампания в США вступала в решающую фазу. Собранный в конце июня съезд республиканцев выдвинул кандидатом в президенты Дьюи, который повёл фронтальную атаку на демократов и их лидера. Рузвельт же объявил о своем согласии баллотироваться на четвёртый срок лишь 11 июля – за неделю до открытия съезда демократов в Чикаго. Его выдвижение съездом было гарантировано, но вокруг кандидата в вице-президенты развернулась острая закулисная борьба, закончившаяся выдвижением сенатора Г. Трумэна вместо Г. Уоллеса. Её сложные перипетии не укрылись от внимательного взгляда Громыко, давшего подробный анализ происшедшего в очередной депеше в “Центр”. Он точно объяснил причины отстранения популярного среди прогрессивных демократов Уоллеса, который восстановил против себя партийную верхушку, консерваторов-демократов Юга и крупный бизнес. В глазах этих кругов Уоллес с его весьма радикальными взглядами “представляет собой вольнодумца, одержимого опасными мыслями”. Сохранение Уоллеса в качестве вице-президента представлялось его противникам особенно рискованным ввиду болезненного состояния Рузвельта. Всего за несколько дней до обнародования его согласия баллотироваться осмотревший президента консилиум независимых врачей вынес ему, по сути, смертный приговор: большое сердце президента изношено до предела и не выдержит второго срока. Они сообщили о своём заключении врачу Белого дома вице-адмиралу Р. Макинтайеру, но тот скрыл от президента и членов его семьи этот документ, пролежавший в сейфе бостонской клиники почти семьдесят лет [Woolner, 2017: 5–6]. Однако тяжёлое состояние Рузвельта не было секретом ни для него самого, ни для внимательных наблюдателей.

В этой обстановке, как проницательно отмечал Громыко, Рузвельт предпочёл принести Уоллеса в жертву, заменив его более консервативным и приемлемым для основных партийных группировок Трумэном. “Выдвижение Трумэна в вице-президенты, – уверенно прогнозировал молодой посол, – по-видимому, предотвратит серьёзный разброд внутри Демократической партии накануне выборов. Такая перспектива обеспечит Рузвельту поддержку со стороны южных штатов” [Советско-американские отношения, 2004: 559–560]. Этот прогноз вскоре полностью подтвердился.

Рузвельт практически не вёл кампанию, а его неудачное публичное выступление 12 августа на военно-морской базе Бремертон, во время которого он чувствовал себя и выглядел крайне плохо, сразу же укрепило рейтинг Дьюи. Республиканец усилил нападки на Рузвельта, обвиняя “усталых и старых” обитателей Белого дома в экономической некомпетентности, семейственности и затягивании демобилизации. Взбешенный этим заушательством, Рузвельт по возвращении со второй Квебекской конференции с Черчиллем словно обрел второе дыхание. 23 сентября он выступил с боевой речью перед профсоюзом водителей грузовиков, в которой дал волю своему сарказму, остроумно высмеяв

¹ Из Вашингтона Молотову, 28.02.1944 г. // Там же. Л.181–184.

республиканских оппонентов. Апофеозом выступления стала защита любимой собаки президента, которую, как утверждали республиканцы, он якобы забыл на Алеутских островах и затем послал за ней миноносец за счёт налогоплательщиков. “Лидерам республиканцев мало нападок на меня, мою жену и сыновей, – с иронией говорил Рузвельт, – Теперь они взялись за мою маленькую собачку Фалу... Я привык к злобным вымыслам в свой адрес, но думаю, что вправе возмутиться клеветой в отношении своей собаки” [Brands, 2008: 783]. Многотысячная аудитория взорвалась оглушительным смехом. “Все собравшиеся были охвачены одной мыслью, – вспоминал спичрайтер президента С. Розенман, – “Старый маэстро снова в строю... Наш чемпион в той же боевой форме и его не победить!” [Friedman, 1971: 3032]. Возвращение Рузвельта на арену сопровождалось новыми военными успехами союзников: англо-американские войска вошли на территорию Германии, а на Тихом океане войска генерала Макартура вели последние бои на подступах к Филиппинам. В ходе предвыборной борьбы наметился перелом.

“Шансы Рузвельта на переизбрание за последние два-три месяца не только не уменьшились, но скорее увеличились, – докладывал в Москву Громыко 27 сентября. – Объясняется это, главным образом, благоприятной для союзников обстановкой на фронтах и, в частности, успехами, достигнутыми англо-американскими войсками на Западном фронте”. Посол тонко уловил контрпродуктивный характер последних выступлений Дьюи, который пустился в откровенную демагогию в отчаянной попытке переломить ход кампании. В заключение давалось пронизательное наблюдение о взаимосвязи настроений избирателей с военной обстановкой: “Господствующим является мнение, что наиболее благоприятной для Рузвельта будет обстановка в том случае, если война к 7 ноября не закончится. И это, несомненно, так. Американский обыватель считает, что заменять президента в ходе войны, да ещё таким неопытным в политическом отношении человеком, как Дьюи, опасно... Рузвельт достаточно опытный политик и постарается использовать в максимальной степени для обеспечения своего успеха военную обстановку. Крупные успехи против японцев, высадка, например, на Филиппинских островах, или что-либо в этом роде, оказали бы, безусловно, благоприятное для него влияние на психологию масс и увеличили бы его шансы на переизбрание”¹. Именно так оно и в итоге и получилось.

Важной опорой президента был Конгресс производственных профсоюзов и его Комитет политических действий во главе с лидером профсоюза текстильщиков С. Хиллмэном. Профсоюзники проводили масштабную кампанию регистрации избирателей, вели активную пропаганду в пользу Рузвельта, собирали значительные финансовые средства в фонд демократов. Республиканцы не преминули этим воспользоваться. “Основным тезисом Дьюи, – сообщал Громыко в очередной депеше, – является тезис о том, что Демократическая партия... всё более и более подпадает под влияние вышеуказанного комитета политических действий и американских коммунистов. Дьюи повторяет эту мысль изо дня в день”².

¹ Из Вашингтона Молотову, 27.IX.1944 г. // АВП. Ф.059.Оп.12. П.34. Д.213. Л.124–126.

² Из Вашингтона Молотову, 24. X. 1944 г. //АВП. Ф.059. Оп.12. П.34. Д.214. Л.88–87.

Под “американскими коммунистами” подразумевалась “рука Москвы”, поэтому предвыборный штаб Рузвельта внимательно следил за тем, чтобы не давать республиканцам лишних поводов для подобных обвинений. В сентябре, когда ожидался приезд в США делегации советского Всеславянского комитета, С. Хиллмэн через надёжных посредников передал генеральному консулу СССР в Нью-Йорке опасение в том, что в сложившихся условиях такой визит “принесёт больше вреда, чем пользы, и даст в руки врагов Рузвельта новый материал для оголтелых атак”. Сталин распорядился немедленно отменить визит делегации [Печатнов, 2004: 404]. С аналогичным предостережением обратился к Громыко и бывший посол США в СССР, верный сторонник Рузвельта Дж. Дэвис. 20 октября посол передал в Москву его письмо в адрес Молотова для Сталина с пожеланием, чтобы советская пресса в последние недели перед выборами воздержалась от критических комментариев по поводу публичных заявлений Дьюи, поскольку “они будут перепечатаны здесь и подхвачены враждебными силами и их будут рассматривать как вмешательство иностранных правительств в частные политические дела нашей страны”¹. Судя по резолюции первого заместителя Молотова А. Вышинского, в Москве прислушались к этому совету.

За неделю до этого Громыко имел подробную беседу с правой рукой Рузвельта Г. Гопкинсом на обеде тет-а-тет в советском посольстве. Речь зашла и о предстоящих выборах. Гопкинс сказал, что основная борьба сейчас идёт за голоса независимых избирателей, и прогнозировал победу Рузвельта с перевесом в 60 против 40 процентов голосов выборщиков. Возможная потеря Нью-Йорка и Огайо может быть компенсирована победами в Пенсильвании, Иллинойсе, Массачусеттсе и Калифорнии (Рузвельт действительно победил во всех этих штатах за исключением Огайо). Гопкинс добавил, что “в оставшиеся дни республиканцы будут указывать часто на состояние здоровья Рузвельта, будут распространять слухи о том, будто бы Рузвельт в силу состояния здоровья не сможет выполнять обязанности президента в случае избрания”². Действительно, эта тема беспощадно муссировалась в выступлениях Дьюи и других республиканцев, позабывших все приличия; не случайно, по словам Рузвельта, это была “самая грязная кампания” в его жизни. Врач президента был вынужден сделать публичное заявление о “хорошем состоянии” здоровья президента.

На основании доверительной информации от окружения Рузвельта и собственного анализа предвыборной ситуации Громыко в нескольких депешах последней недели октября дал собственную развёрнутую оценку заключительного этапа и вероятного исхода избирательной кампании. К этому времени предвыборная ситуация снова несколько изменилась. Энергия Рузвельта ослабла, тогда как кампания Дьюи достигла своего апогея. Опросы показывали укрепление позиций республиканцев среди ключевой категории независимых избирателей. Громыко точно уловил эту тенденцию. “Исключительные усилия, прилагаемые республиканцами, в том числе и самим Дьюи, с целью добиться победы на президентских выборах, привели в течение последних двух недель к некоторому

¹ Из Вашингтона Молотову, 20.X.1944 г. // Там же. Л.58–59.

² Из Вашингтона Молотову, 14.X.1944 г. // АВП.Ф.059. Оп.12. П.34. Д.213. Л.282–283.

ухудшению обстановки для Рузвельта, – докладывал он 23 октября. – Отчасти виноваты в этом сами же демократы. В их рядах до последнего времени заметна была некоторая самоуспокоенность”. Посол отмечал, что в последние дни Рузвельт предпринимает большие усилия для рывка на финишной прямой избирательной кампании. 21 октября президент выступал в колеблющемся Нью-Йорке, проехав несколько часов перед толпами горожан в открытой машине под проливным дождем, “планирует до выборов выступить в Филадельфии, Бостоне, Кливленде и, возможно, в Чикаго и Детройте”. Особенно беспокоят демократов, отмечал Громыко, проблемные штаты Иллинойс, Мичиган и Огайо с большой прослойкой польских американцев, податливых на антисоветскую риторику Дьюи. Кандидат республиканцев, отмечал посол, “показал себя как первоклассный демагог. Он, например, всю вину за неподготовленность США к войне сваливает на Рузвельта, хотя каждому американцу известно, что именно республиканцы срывали или пытались срывать военные мероприятия Рузвельта”¹.

Эта депеша была встречена в Москве с тревогой. Там уже твёрдо уверовали в победу Рузвельта. Накануне Сталин в беседе с послом США А. Гарриманом заявил, что нисколько не сомневается в исходе выборов: “Дьюи не идёт ни в какое сравнение с Рузвельтом, это совсем незначительная фигура” [Печатнов, Магадеев, 2015: 269]. Пессимистическая нота посольской депешы явно диссонировала с этим настроением. Хорошо зная настроение в Кремле, Вышинский весьма резко отреагировал на донесение Громыко: “В Вашей телеграмме содержится противоречивая оценка предвыборной ситуации в США... Разберитесь повнимательней в предвыборной обстановке и дайте нам более точную картину”².

В сталинско-молотовской системе советским дипломатам (а тем более молодым) в ответ на подобные выговоры было положено полностью признать ошибку и срочно исправить свои оценки в угоду начальству. Но не таков был Громыко. Через два дня после получения указаний Вышинского (которого Громыко считал “мерзким человеком”) он вместо покаяния послал новую телеграмму, в которой упорно продолжал начатую тему: “Как я сообщал в телеграмме от 23 октября, за период примерно с начала октября по 20-е числа октября заметно было некоторое ухудшение предвыборной обстановки для Рузвельта”. Далее посол иллюстрировал это на конкретных примерах и делал вывод о причинах возросшей популярности Дьюи на материале затронутых им “острейших вопросов внутреннего характера” – о налогах, безработице, перспективах демобилизации армии, частной инициативе, “четвёртом сроке” и других.

Ситуация, продолжал посол, стала меняться в пользу Рузвельта лишь в последней декаде октября под влиянием неудачных выступлений Дьюи по внешней политике и новых усилий самого президента, который “начиная с 21 октября сделал три важных выступления в Нью-Йорке, Филадельфии и Чикаго, то есть в центрах наиболее важных, считающихся сомнительными штатов”. В самом деле, именно в эти дни Рузвельт собрал все свои силы для последнего рывка, выступая

¹ Из Вашингтона Молотову, 24.X.1944 г. // АВП. Ф.059. Оп.12. П.34. Д.314. Л.86–89.

² Вашингтон Совпослу, 30.X.1944 г. // АВП. Ф.059. Оп.12. П.6. Д.36. Л.118.

перед многотысячными толпами горожан. Особенно яркой была его речь в Чикаго 28 октября, произнесённая на огромном “Солдатском поле”, вместившем почти сто тысяч человек. Президент с воодушевлением говорил об “экономическом билле о правах”, послевоенной экономике с полной занятостью и шестьюдесятью миллионами рабочих мест. Обыгрывая выпады республиканцев, он предлагал задуматься о том, как “правительство ‘старых и усталых людей’ смогло создать самую большую в истории военную машину и армию, которые выигрывают одну победу за другой в Европе и Азии” [Friedman, 1971: 3036]. Как раз к выборам подоспели новые победы: 20 октября генерал Маккартур с триумфом высадился на Филиппинах, а 24–25 октября ВМС США в одном из крупнейших морских сражений войны разгромили большую часть остатков японского флота в заливе у филиппинского острова Лейте.

Далее в депеше Громыко дал подробный расклад соотношения сил на выборах в географическом и социально-классовом разрезе. Демократы поведут за собой южные и западные штаты; Средний Запад и северо-восточные штаты останутся за республиканцами (за вероятным исключением Иллинойса и Мичигана, а также Массачуссетса). Ключевые восточные штаты Нью-Йорк и Пенсильвания, скорее всего, возьмут демократы. На стороне Рузвельта “подавляющее большинство рабочего класса”, членов профсоюзов, военных и государственных служащих. “Дьюи поддерживают высокооплачиваемые служащие и инженерно-технические работники частных корпораций и кампаний”, большинство фермерского населения, а также финансово-промышленные круги страны. Посол не упустил и значения расширения электората, достигнутый в основном усилиями профсоюзов КПП: “...Рост числа избирателей сверх обычной средней цифры происходит за счёт групп населения с низкими доходами. А эти слои населения голосуют на Рузвельта в своём подавляющем большинстве. Не исключена, однако, возможность, что большинство, которое получит Рузвельт, может оказаться не настолько преобладающим, насколько это ожидалось ранее”¹.

Прогноз Громыко оказался на редкость точным во всех отношениях, включая сравнительно небольшой разрыв в голосах – 25,6 млн за Рузвельта и 22 млн за Дьюи [Brands, 2008: 786]. “Рузвельт переизбран, – со спокойным сердцем телеграфировал посол в Москву на следующий день после голосования, – ...Ещё вчера вечером в 11 часов 20 минут позвонил Гопкинс и восторженным голосом сказал: ‘Рузвельт победил’. К тому времени сделан был подсчёт лишь 9 миллионов голосов. Однако соотношение подсчитанных голосов было явно в пользу Рузвельта. Позже лишь штат Нью-Йорк ‘прыгал’ от Рузвельта к Дьюи и обратно. Остановился всё же в ряду рузвельтовских штатов. Сегодня утром позвонил вице-президент Уоллес и с радостью сообщил то же, что и Гопкинс”². По предложению посла Сталин в тот же день послал Рузвельту тёплое поздравление [Печатнов, Магадеев, 2015: 305].

На “фалдах” Рузвельта демократы укрепили своё положение и в Конгрессе США, о чем Громыко подробно сообщил 19 ноября. Он особенно выделил

¹ Из Вашингтона Молотову, 2.XI.1944 г. // АВП. Ф.059. Оп.12. П.34. Д.214. Л.192–202.

² Из Вашингтона Молотову, 8.XI.1944 г. // АВП. Ф.059. Оп.12. П.34. Д.214. Л.250.

поражение самых реакционных республиканцев – изоляционистов и антисоветчиков типа сенаторов Дж. Ная и Р. Рейнольдса, а также конгрессменов Г. Фиша и М. Дайса – главы одиозного комитета Палаты представителей по расследованию антиамериканской деятельности. “Провал Дайса и некоторых его сообщников представляет исключительно отрадное явление, – подчёркивал посол, – Из конгресса оказались удалёнными несколько наиболее отъявленных наших врагов”. Итоги выборов, заключил Громыко, подрывают позиции изоляционистов в стране и прокладывают дорогу к участию США в послевоенной системе международной безопасности: “Для изоляционистов, в том числе и оставшихся в конгрессе, результат прошедших выборов является как бы предупреждением против оговорок в связи с решением вопроса об участии США в послевоенной организации. Для всех стало очевидным, что поражение изоляционистов не является случайным явлением, что оно отражает настроение подавляющего большинства населения страны, поддерживающего внешнюю политику Рузвельта”¹. И действительно, уже в начале 1945 г. сенат принимает известную резолюцию Ванденберга, санкционировавшую участие США в ООН.

Победный 1945 г. принес послу СССР в Вашингтоне новые испытания. Советская дипломатия готовилась к учредительной конференции ООН в Сан-Франциско. 13 марта Политбюро утвердило состав советской делегации, в которую помимо Молотова входил А. Жданов и другие видные деятели, что должно было подчеркнуть особую роль СССР в создании ООН и повышенное внимание Москвы к этой конференции. Молотов успел сообщить о своем участии руководству Госдепартаменту и Форин Офис. Однако именно в эти дни разыгрался “бернский кризис”, связанный с секретными контактами американской разведки в Швейцарии с представителями германского командования в Италии. Отказ союзников допустить к ним советских представителей вызвал резкое обострение межсоюзных отношений. 22 марта Молотов обвинил союзников в ведении сепаратных переговоров с немцами “за спиной Советского Союза”. В тот же день Политбюро снизило уровень советского участия в Сан-Франциско с парадно-представительского до рабочего; делегацию СССР теперь должен был возглавить Громыко. Это стало шоком не только для союзников, но и для самого посла. 23 марта – в тот же день, когда он довел до сведения американцев новый состав делегации, Громыко телеграфировал Молотову: “Назначение меня председателем делегации на конференцию в Сан-Франциско является для меня совершенно неожиданным. Я должен откровенно сказать, что несколько беспокоюсь, учитывая важность конференции и ответственность, которая падает на делегацию и прежде всего на ее председателя. Разумеется, после оглашения состава делегации здесь начнутся кривотолки и спекуляция относительно мотивов, в силу которых делегацию на конференцию не возглавили Вы лично. Все это будет еще больше осложнять обстановку и для меня как председателя советской делегации”. Понимая окончательность принятого решения, Громыко просил лишь об усилении делегации за счет представительства военных².

¹ Из Вашингтона Молотову, 19.XI.1944 г. // АВП. Ф.059. Оп.12. П.35. Д.215. Л.20–24.

² Из Вашингтона Молотову, 23.III.1945 г. // АВП. Ф.059. Оп.15. П.10. Д.53, Л.103–104.

На 35-летнего дипломата свалилась действительно огромная ответственность: в Сан-Франциско предстояла напряженная борьба по процедурным и содержательным вопросам Устава ООН, запуск небывалой международной организации на глазах у всего мира. Любая оплошность могла стоить как минимум карьеры. Назначение Громыко действительно вызвало спекуляции в Вашингтоне и Лондоне, где опытные дипломаты улавливали скрытый смысл этой перестановки в недовольстве советской стороны действиями союзников. Рузвельт в специальном послании Сталину пытался отговорить его от такого решения. “Мы весьма высокого мнения о личных качествах и способностях посла Громыко и уверены, что он весьма успешно представлял бы Советский Союз”, писал президент, выражая вместе с тем “глубокое разочарование” в связи с отменой приезда Молотова [Печатнов, Магадеев, 2015: 457]. Но всё было тщетно, и Громыко начал серьёзно готовиться к предстоящей конференции, благо он был хорошо знаком с данной проблематикой, будучи главой советской делегации на конференции в Думбартон-Оксе осенью 1944 года. 1 апреля он направил в Москву депешу с перечислением вопросов, которые могут возникнуть в Сан-Франциско. Посол просил конкретных директив по всем этим пунктам: “Необходимость таких директив диктуется ещё и тем, что на конференции, как известно, все или почти все страны будут представлены министрами иностранных дел, а некоторые из них – премьер-министрами. Следовательно, многие делегации будут в состоянии определять своё отношение ко всем вопросам, относящимся к выработке устава организации, сразу же, немедленно. Темпы работы конференции могут затруднить возможность получать своевременно указания из Москвы по тем или иным вопросам”¹.

В начале апреля Громыко вёл непростые переговоры с госсекретарем Э. Стеттиниусом о процедурных вопросах на предстоявшей конференции. Один из них касался председательства на форуме: советская сторона выступала за поочередное председательство четырёх великих держав-основателей ООН на равных правах, тогда как американцы предложили иметь одного председателя (имея в виду США) и трёх его заместителей. Из отчёта посла Молотову показалось, что Громыко недостаточно энергично отстаивал советскую позицию. Последовал строгий разнос наркома: “Ваше поведение ... показывает, что Вы ведёте себя как школьник и просто как приложение к Стеттиниусу. Вы, очевидно, до сих пор не усвоили той простой истины, что у нас своя линия и что Вы, как представитель великого государства, должны вести себя с достоинством и самостоятельно, а не по-ученически... Держитесь твёрдо, ведите себя самостоятельно, отстаивая наши позиции, и не уступайте”². Получив эту разносную телеграмму, Громыко не пал духом и в тот же день послал Молотову новую депешу с более подробным изложением беседы со Стеттиниусом. Он ещё раз изложил свои доводы в защиту советской позиции и заключил телеграмму полными скрытой обидой словами: “Можете судить сами, вёл ли я себя, приводя эти аргументы, как ‘школьник’ и

¹ Из Вашингтона Молотову, 1.IV.1944 г. // АВП. Ф.059. Оп.15. П.10. Д.53. Л.253–261.

² Вашингтон, совпосол, 6.IV.1945 г. // Там же. Л.172–173.

‘приложение к Стеттиниусу’, или как представитель великого государства”¹. Нужно было обладать немалой смелостью и чувством собственного достоинства, чтобы так ответить всемогущему наркому, а значит и Сталину, который читал всю эту переписку.

12 апреля Рузвельта не стало, и Громыко сообщал в Москву о первой реакции на уход бессменного лидера страны: “Как среди народа США, так и среди политических официальных кругов, заметна сильная тревога и даже растерянность... Положение усугубляется ещё и тем, что Трумэна здесь расценивают как недостаточно опытного и недостаточно испытанного политического лидера”².

Кончина Рузвельта и потребность установить контакт с его преемником заставили Сталина пересмотреть своё решение и отправить в США Молотова [Печатнов, 2002: 125–126]. Тем не менее в Сан-Франциско Громыко будет правой рукой наркома, а после его отъезда возглавит советскую делегацию на конференции и отлично справится со своими обязанностями. Под принятым на конференции Уставом ООН навсегда осталась подпись А.А. Громыко.

Накануне приезда Молотова в Вашингтон Громыко направил в “Центр” длинную депешу с подробным анализом политической обстановки в стране после смерти Рузвельта, который впечатляет своей глубиной и проницательностью. Это, прежде всего, касается анализа первых шагов администрации Трумэна и прогноза её дальнейшей политики. Сам Трумэн характеризовался как представитель центра Демократической партии, приемлемый для её основных группировок. В личном плане новый президент “является человеком-практиком. Может быть довольно твердым, если убеждён в правильности своей позиции и если имеет соответствующую поддержку... Он не теоретик и не человек оригинальных идей. В этом отношении его с Рузвельтом нельзя и сравнить. Он будет прислушиваться к мнению других больше, чем это делал Рузвельт”.

Сохраняя осторожность в оценках, Громыко вместе с тем давал довольно уверенный прогноз общего вектора внешней и внутренней политики Трумэна. Во внешней политике “Трумэн будет, по крайней мере в течение ближайшего будущего, продолжать линию Рузвельта на сотрудничество с Советским Союзом и Великобританией, есть основания также считать, что Трумэн будет проводить линию на участие США в Международной организации безопасности...”

Сказанное выше не означает, что Трумэн, который как политическая фигура несравненно слабее Рузвельта и который находится в большей степени под влиянием консервативных политических кругов США, чем Рузвельт, не может не предпринять каких-либо шагов в области внешней политики, могущих нанести ущерб союзному сотрудничеству...”. “Что касается внутренней политики Трумэна, то по общему распространенному в политических кругах Вашингтона мнению, он сделает поворот вправо. Он, если и не решится на то, чтобы ликвидировать последствия проведенных Рузвельтом реформ и мероприятий, то, во всяком случае, откажется от проведения каких-либо важных мероприятий в духе специальных ‘экспериментов’ Рузвельта, которые не соответствовали бы интересам правящего

¹ Из Вашингтона Молотову, 6.IV.1944 г. // АВП. Ф.059. Оп.15. П.46. Д.269. Л.53–54.

² Из Вашингтона, 15.IV.1945 г. // Там же. Л.201.

класса”. В том же негативном направлении могут действовать и прочные связи Трумэна с Конгрессом: “...Рузвельт в случае необходимости мог идти против течения, против конгресса, и добиваться поставленных им целей вопреки наиболее реакционным и изоляционистски настроенным кругам конгресса. Трумэну может не хватать решительности и настойчивости следовать примеру Рузвельта. Именно поэтому либеральные и прогрессивные круги выражают беспокойство по поводу политического курса нового президента”.

И в самом деле, Трумэн, как известно, первое время сохранял преемственность с внешнеполитическим курсом своего предшественника, но постепенно отошёл от него под воздействием своих новых советников и менявшейся обстановки в стране. Равным образом и во внутренней политике Трумэн не пошёл на свёртывание реформ “нового курса”, но отказался от дальнейших социальных экспериментов. Оправдались и конкретные прогнозы посла о возможных дальнейших шагах новой администрации, прежде всего, в ключевом кадровом вопросе: “Похоже на то, что Трумэн в течение некоторого времени воздержится от производства изменений в составе кабинета. По крайней мере, воздержится от замены министров, занимающих наиболее важные посты. Трумэну нужны в течение некоторого времени члены кабинета, имеющие опыт, приобретённый при Рузвельте. С течением времени Трумэн, несомненно, произведёт изменения в составе кабинета и поставит на министерские посты своих людей”. В этой связи Громыко точно предсказывал скорую замену Стеттиниуса близким Трумэну Дж. Бирнсом и изменение роли Гопкинса: “Возможно, в течение некоторого периода времени, он будет занимать официальное место в Белом доме и, так сказать, передавать свой опыт и свои знания, относящиеся к деятельности Рузвельта, новому президенту. Однако, если бы даже Гопкинс и продолжал в течение некоторого времени оставаться помощником и советником президента, влияние его, конечно, уже не имело бы того значения, которое он имел при Рузвельте”¹. Действительно, какое-то время Гопкинс оставался советником Трумэна и даже совершил по его заданию свою последнюю миссию в Москву, которая помогла развязать некоторые узлы советско-американских отношений.

Но эра Рузвельта заканчивалась, и вместе с ней особый период в дипломатической работе самого А.А. Громыко, ставший для него бесценной профессиональной школой. “Конечно, наиболее сильные впечатления, связанные с дипломатической работой за рубежом у меня остались от США, – напишет Андрей Андреевич много лет спустя в своих мемуарах. – Это объясняется, прежде всего, тем, что находился я там в самое напряжённое время – военное и первый послевоенный период” [Громыко, 1990: 212].

Список литературы

Громыко А.А. (1990) *Памятное*, кн. 1, 2-е изд., доп., Москва, Россия.

Печатнов В.О., Магадеев И.Э. (2015) *Переписка И.В. Сталина с Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем в годы Великой Отечественной войны. Документальное исследование*, т. 2, Москва, Россия.

¹ Из Вашингтона, 21.IV.1945 г. // АВП. Ф.059. Оп.15.П.46.Д.270.Л.13–23.

Печатнов В.О. (2004) “Сталин и Рузвельт. Заметки историка” в кн.: *Война и общество, 1941–1945*, в 2-х кн., Наука, Москва, Россия.

Печатнов В.О. (2002) Московское посольство Аверелла Гарримана (1943–1946) (окончание), *Новая и новейшая история*, № 4.

Севостьянов Г.Н. (ред.) (2004) Советско-американские отношения. 1939–1945, МФД, Москва, Россия.

References

Brands H. (2008) *Traitor to His Class. The Privileged Life and Radical Presidency of Franklin Delano Roosevelt*, N.Y., USA.

Costigliola F. (2012) *Roosevelt's Lost Alliances. How Personal Politics Helped Start The Cold War*, Princeton, USA.

Friedman L. (1971) “Election of 1944” in: Schlesinger A., Jr. (ed.) *History of American Presidential Elections*, N.Y., USA.

Gromyko A.A. (1990) *Pamyatnoe*, part 1, 2nd edition, Moscow, Russia.

Pечатнов В.О., Магадеев И.Е. (2015) *Perepiska I.V. Stalina s F. Ruzvel'tom i U. CHERchillem v gody Velikoj Otechestvennoy vojny. Dokumental'noe issledovanie*, Vol. 2, Moscow, Russia.

Pечатнов В.О. (2004) “Сталин и Рузвельт. Заметки историка” in: *Vojna i obshchestvo, 1941–1945*, Nauka, Moscow, Russia.

Pечатнов В.О. (2002) Московское посольство Аверелла Гарримана (1943–1946) (окончание), *Novaya i novejschaya istoriya*, no. 4.

Sevost'yanova G.N. (ed.) (2004) *Sovetsko-amerikanskije otnosheniya. 1939–1945*, MFD, Moscow, Russia.

Woolner D. (2017) *The Last One Hundred Days. FDR at War and Peace*, N.Y., USA.

A.A. Gromyko: Ambassador, Americanist, Personality (According to New Documents of the Archive of Foreign Policy of the Russian Foreign Ministry)

Author: Pechatnov V., Doctor of Sciences (History), Professor of History and Politics of Europe and America MGIMO MFA. **Address:** 76, Vernadsky Avenue, Moscow, Russia, 119454. **E-mail:** vopechatnov@gmail.com

Abstract. The article based on newly declassified documents from the Foreign Policy Archive of the Russian Federation deals with the Soviet Ambassador in the USA Andrey Gromyko's role as an analyst of American domestic politics at the final stage of the World War II (1944–1945). The main attention is devoted to Gromyko's analysis of 1944 Presidential election campaign that strongly affected Soviet-American relations. At stake was F. Roosevelt's political future as a linchpin of “Grand Alliance” against the axis countries. By analyzing Gromyko's diplomatic reporting from Washington, it is demonstrated that having reliable sources of information in Roosevelt's inner circle the Ambassador was well versed in American political situation and provided shrewd estimates and accurate forecasts of the election campaign despite nervous instructions from Moscow. Also the research deals with Gromyko's analysis of American domestic scene following Roosevelt's death: public and elite reaction to this event, evaluation of the new President, Harry Truman and of his probable course of action in domestic and foreign policies. In conclusion the article provides some new details on Gromyko's unexpected appointment to lead the Soviet delegation at San-Francisco United Nations conference in which the young Ambassador stood his ground and proved himself to be dignified and courageous diplomat.

Key words: Andrey Gromyko, Franklin Roosevelt, 1944 election, World War II, Soviet-American Relations, Thomas Dewey.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope42019151163>